

- Otechestvennaia istoriia
- 2006-02-28ОТИ-№. 001
- Size: 80.1 Kbytes .
- Pages:24-42.
- Words: 11214

Статьи. ПРАВЯЩАЯ БЮРОКРАТИЯ И "НОВЫЙ СТРОЙ" РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПОСЛЕ МАНИФЕСТА 17 ОКТАБРЯ 1905 ГОДА

Автор: Г. М. КРОПОТКИН

Манифест 17 октября 1905 г. и последовавшее за ним новое издание Основных законов 1906 г. внесли заметные изменения в государственный строй Российской империи. Создание Государственной думы ограничивало законодательные прерогативы монарха, сохранившего тем не менее право veto. Помимо этого, предполагаемые "увлечения" Думы должен был сдерживать реформированный Государственный совет, превращенный из законосовещательного собрания заслуженных престарелых сановников в верхнюю палату, половина которой назначалась царем, а другая избиралась от сословных и общественных учреждений. Вместе с тем ослабление бюрократического элемента в Государственном совете осложняло его взаимодействие с "объединенным правительством", возникшим - также в противовес Думе - в те же октябрьские дни 1905 г. Но и единство взглядов и действий членов правительства было довольно условным: министров назначал император и они непосредственно ему докладывали о делах своих ведомств, неся за них персональную ответственность, тогда как пределы власти председателя Совета министров были очерчены в законе очень расплывчато и фактически определялись личным авторитетом государственного деятеля, занимающего данный пост. Все это составляло весьма сложную и противоречивую конструкцию, устойчивость которой с самого начала была проблематичной.

Для современников, а затем и исследователей, законодательные акты 1905 - 1906 гг. означали рождение "нового строя", но сказать, что именно "родилось", было трудно как в начале XX в., так и 100 лет спустя. Характеристики "нового строя" как "самодержавной конституционности"¹ или "думской монархии"² лишь подчеркивали парадоксальность этой политической системы, возникшей из "смут и волнений" 1905 г. С формальной точки зрения можно было усомниться как в "самодержавии" императора, так и в установлении в России конституционной монархии³.

Важно отметить, впрочем, что манифест 17 октября лишь декларировал расширение политических прав и свобод русского общества, не предвещая вопроса о том, какие последствия это расширение будет иметь для государственного строя империи. Да и Основные законы, по справедливому замечанию И. А. Христофорова, представляли собой "самую общую, "рамочную" конструкцию, конкретный смысл которой должен был определяться... еще не принятыми законами"⁴. Особое значение при этом приобретала позиция "правлящей бюрократии" - руководителей министерств и ведомств, входивших в "объединенное правительство" и определявших внутреннюю политику самодержавия, которая, в свою очередь, влияла на все стороны жизни общества. Ключевая роль правящей бюрократии в решении важнейших вопросов, стоявших перед страной, не только противопоставляла правительство Думе с ее притязаниями на власть, но и существенно ограничивала монарха. Ведь самые разнообразные факторы политической жизни - будь то воля императора или революционное движение - оказывали влияние на

правительственную политику лишь постольку, поскольку они преломлялись в сознании ее руководителей. Без детального рассмотрения их оценки состояния страны и общественных настроений, восприятия ими меняющейся ситуации и своего места в ней, видения целей и путей

Кропоткин Георгий Михайлович, аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

стр. 24

развития империи, невозможно понимание истории последних лет императорской России.

Хотя в течение долгого времени взгляды высокопоставленных сановников начала XX в. и мотивы их деятельности не были предметом специального исследования, сама постановка данной проблемы стала возможной лишь благодаря трудам историков 1960 - 1980-х гг., заложивших фундамент и традиции изучения политики самодержавия. Так, в работе Н. Г. Королевой проведен тщательный анализ деятельности Совета министров, обсуждений в нем важнейших аспектов внутренней политики - репрессивных мер, государственных преобразований, рабочего и аграрного вопросов, отношений правительства и Думы⁵. В коллективной монографии "Кризис самодержавия в России (1895 - 1917)" на основе обширного круга архивных источников, большинство из которых впервые введены в научный оборот, Р. Ш. Ганелин воссоздал обстоятельства острой политической борьбы в правительственных сферах⁶. Однако до конца 1980-х гг. внимание исследователей преимущественно сосредоточивалось на борьбе правительства с революционным движением, тогда как восприятие самими государственными деятелями целей и методов своей политики практически не освещалось.

В последние десятилетия этот вопрос все чаще вызывает интерес. В биографиях С. Ю. Витте, П. Н. Дурново, П. А. Столыпина детально рассматриваются их взгляды и деятельность⁷. В ряде работ предпринята попытка передать настроения, господствовавшие на Петергофских и Царскосельских совещаниях 1905 - 1906 гг.⁸, проследить ход обсуждения "в верхах" таких важнейших вопросов внутренней политики, как реформирование представительных учреждений⁹ или переговоры об "общественном министерстве"¹⁰. Р. Ш. Ганелин в коллективной монографии "Власть и реформы: от самодержавной к советской России" привел ценные и малодоступные документы из зарубежных архивов¹¹.

Особо следует отметить изданную недавно монографию "Первая революция в России: взгляд через столетие", в которой предпринята попытка целостной характеристики как общественного движения, так и правительственной политики в революционные годы¹². Разделы книги, посвященные становлению "нового строя", написаны И. А. Христофоровым. Анализируя преобразования 1905 - 1906 гг., он указывает на беспочвенность "любого сугубо объективистского взгляда на их смысл и судьбу"¹³ и подчеркивает принципиальное значение вопроса о восприятии правительственного реформаторства самими его авторами.

Для освещения этого вопроса, наряду с журналами Совета министров и всеподданнейшими докладами, особый интерес представляют источники частного происхождения, наиболее полно отражающие взгляды и мотивацию поступков

государственных деятелей. Конечно, далеко не всегда позиция тех или иных высокопоставленных сановников достаточно полно представлена в дошедших до нас документах. В частности, мы имеем лишь отрывочные сведения о взглядах таких представителей "правого крыла" правительства в 1905 - 1907 гг., как М. Г. Акимов, А. С. Стишинский, кн. А. А. Ширинский-Шихматов и др. Тем не менее имеющиеся богатые материалы официального делопроизводства, дневники и переписка, обширная мемуарная литература сохранили живую и яркую картину расхождений и разногласий в среде высшей бюрократии.

В этих спорах формировалось отношение правящих кругов к "новому строю" российской государственности. Третьеиюньский государственный переворот, оставив в неприкосновенности основные принципы манифеста 17 октября, свидетельствовал о том, что они прочно укоренились в сознании государственных деятелей. Понять причины подобной устойчивости можно лишь в контексте восприятия "нового строя" руководителями правительственной политики. Необходимо рассмотреть, был ли этот строй в их глазах лишь уступкой революционному натиску или результатом естественного развития русской государственности? Считали ли они манифест 17 октября временной мерой или коренной и необратимой реформой? В чем видели роль

стр. 25

старых и новых государственных институтов (самодержавия и Думы) в новых условиях? Как оценивали дальнейшие перспективы "думской монархии"?

Основной "творец" манифеста, ставшего краеугольным камнем нового государственного устройства России, гр. С. Ю. Витте, не давал однозначного ответа на эти вопросы. В своем всеподданнейшем докладе, опубликованном 17 октября 1905 г. одновременно с манифестом, он утверждал, что "Россия переросла форму существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы"¹⁴. Эту мысль Витте развивает и в своих воспоминаниях, выводя ее из общих свойств человеческой природы ("люди созданы так, что стремятся к свободе и самоуправлению"), подчеркивая неизбежность преобразований и их сильное запоздание в России¹⁵. От резкой критики самоуправления, характерной для Витте в 1898 - 1899 гг.¹⁶, не осталось и следа. "Надо было создать Думу в восьмидесятых годах, - говорил он на Царскосельских совещаниях, - тогда не пришлось бы делать теперь сразу такого скачка"¹⁷.

Напротив, в черновиках инспирированной им в 1911 г. брошюры, Витте совершенно иначе представляет мотивы издания манифеста. "Прежде всего, - якобы советовал он царю в начале октября, - постарайтесь водворить в лагере противника смуту. Бросьте кость (т.е. манифест. - Г. К.), которая все пасти, на Вас устремленные, направит на себя"¹⁸. Для Николая II, как неоднократно подчеркивает Витте в мемуарах, акт 17 октября "не был добровольным" и представлял собой лишь вынужденную уступку, итог позорной войны и внутренней смуты¹⁹. Но и сам Витте немалое значение придавал сиюминутным, "тактическим" последствиям государственных преобразований. Не случайно он настойчиво пытается убедить и себя, и читателя своих воспоминаний, что "17-е октября внесло полный раздор в лагерь противников самодержавия" и обеспечило немедленное всеобщее успокоение в стране²⁰.

Необходимость уступок требованиям общественности признавали и другие государственные деятели. Так, петербургский генерал-губернатор и товарищ министра

внутренних дел Д. Ф. Трепов в середине октября 1905 г. уверял вел. кн. Николая Николаевича, что успокоения страны "можно достичь лишь при даровании народу ряда свобод - т.е. конституции". "Удовлетворение желаний масс, - продолжал Трепов, - приведет к восстановлению порядка"²¹. В те же дни посланник в Копенгагене А. П. Извольский (впоследствии министр иностранных дел) пытался через вдовствующую императрицу "убедить царя в необходимости уступок - пока еще не поздно - разумным требованиям умеренной либеральной партии"²².

Это мнение не было всеобщим в бюрократических кругах, однако сам манифест единодушно расценивался не как реализация дальновидной программы, а лишь как уступка, сделанная властью "в минуту жизни трудную" под влиянием "испуга"²³. И если Извольскому спустя полтора десятка лет, в эмиграции эта уступка представлялась спасительной²⁴, то П. Н. Дурново, министр внутренних дел в кабинете Витте, считал ее опасной для государства и заявлял об этом уже в ноябре 1905 г.²⁵ Его мнение разделял и В. И. Гурко (товарищ министра внутренних дел в 1905 - 1907 гг.), характеризовавший манифест в своих мемуарах как "несомненную капитуляцию власти перед общественностью или, вернее, перед революционными силами"²⁶. "Что-то словно треснуло в нашей жизни и поползло лавиной, - вспоминал впоследствии С. Е. Крыжановский (товарищ министра внутренних дел в 1906 - 1911 гг.), - надвигалась какая-то неясная, чужая сила, и невольно приходило на ум: "Прости, Святая Русь..."²⁷. Сходное впечатление осталось у кн. Б. А. Васильчикова (главноуправляющего землеустройством и земледелием в 1906 - 1908 гг.) от открытия I Думы: "...Чувствовалось гораздо сильнее не зарождение чего-то нового, а начало конца чего-то старого", конца "великой и могущественной России"²⁸.

Уже сама форма манифеста 17 октября вызывала у сановников нарекания. Неопределенность его выражений, по мнению министра народного просвещения П. М. Кауфмана, "дала повод думать, что обещание - уже состоявшийся закон", и, таким образом, стала "источником неисчислимых бед"²⁹. Подобную точку зрения разделял и

стр. 26

Д. Ф. Трепов³⁰. Развивая эту мысль в своих воспоминаниях, военный министр А. Ф. Редигер указывал, что "столь торжественное объявление о новых "свободах" было понято как окончательное дарование их, притом без каких-либо норм их ограничений!"³¹.

Вместе с тем, руководителям правительственной политики далеко не бесспорной представлялась и основная идея манифеста, которую некоторые (как, например, Дурново) находили "преждевременной" и "не соответствующей характеру русского народа"³². Население страны, по словам Гурко и кн. Васильчикова, еще "не доросло" до самоуправления, "не созрело" для восприятия конституции³³. "Россия вообще ко всем обещанным свободам не готова, - говорил П. М. Кауфман императору летом 1906 г., - масса населения в них вовсе не нуждается, ибо их не понимает и воспользоваться ими не сумеет"³⁴. В том же духе решительно высказывался И. Л. Горемыкин, в апреле 1906 г. сменивший Витте на посту председателя Совета министров. Барон А. А. Будберг беседовал с ним 14 октября 1905 г. и дал лаконичную характеристику его взглядов того времени - "безусловный противник конституционных идей, сторонник беспощадных репрессий без всякого манифеста в данный момент, соглашающийся говорить о частичных реформах лишь после восстановления спокойствия"³⁵. Появление манифеста 17 октября заставило Горемыкина, который привык уважать "непреклонную волю"

монарха, скорректировать свои позиции, однако он не переставал подчеркивать несвоевременность произведенных преобразований, называя "невероятной чепухой" идею управлять страной "во время революционного угара какой-то пародией на западноевропейский парламентаризм"³⁶ .

С другой стороны, те же самые государственные деятели в большинстве своем были глубоко убеждены в том, что чисто бюрократический режим управления страной к началу XX в. себя изжил. Русский народ, по выражению Васильчикова, "вступал в такой возраст, когда он уже перестал быть объектом управления"³⁷ . "Жизнь народа, - писал в мемуарах Гурко, - предъявляемые ею разнообразнейшие требования переросли силы бюрократии, переросли и форму государственного управления"³⁸ . Вполне сознавал это и Дурново, указывавший на необходимость решительных политических реформ. "Мы живем, как в осажденном лагере, - говорил он осенью 1905 г., - мы перестаем быть национальной властью и превращаемся в каких-то поработителей-татар"³⁹ .

Кризис системы управления, по мнению сановников, во многом был связан с личными качествами последнего русского императора, призванного к единоличному правлению, но "лишенного дара быть самодержцем"⁴⁰ . В результате же, полагал Гурко, "самодержавие в руках Николая II, как единоличное и самостоятельное разрешение основных государственных вопросов, перестало существовать", а реальная власть сосредоточилась в руках "кучки сменявшихся в пределах управления отдельными отраслями народной жизни олигархов", поглощенных борьбой друг с другом и неспособных к формированию единого внутривластного курса⁴¹ . Не случайно Редигер - сторонник твердой и инициативной власти ("как при Александре II"), - общаясь с императором, пришел к выводу, что "ограничение его власти было нужно"⁴² . Не менее характерно, что Кауфман, сам будучи министром, заявлял царю, что "для массы населения самодержавный неограниченный монарх давно заслонен высшими представителями исполнительной власти, пользовавшимися ею не всегда в интересах родины, народа и самого государя", и прикрывавшимися "именем неограниченного монарха для осуществления своей власти, не неся, в сущности, ни перед кем ответственности"⁴³ .

Для Николая II, впрочем, подобные заявления не были новостью. Предшественник Кауфмана на посту министра народного просвещения, гр. И. И. Толстой еще при своем назначении в октябре 1905 г. уверял императора, что "бюрократический режим совершенно непригоден для России, что Россия им загублена". Толстой, однако, в своей критике исходил не из концепции "инициативной монархии" (как Редигер), а из идеалов классического либерализма, и, в частности, "широкой самодеятельности

стр. 27

общества"⁴⁴ . Не менее принципиальным противником "старого строя" был А. П. Извольский, который с детства восхищался своим прадедом князем Яшвилем (участником царевубийства 12 марта 1801 г.) и заучил наизусть его слова, что самодержавие - "самый опасный из всех видов власти"⁴⁵ . Сам Извольский считал самодержавный строй в XX в. "анахронизмом" и отмечал в дневнике в апреле 1906 г. свое "постоянное и страстное желание стряхнуть с России последние остатки несвойственной нам монгольщины и всей душой приобщиться к светлому арийскому мирозерцанию"⁴⁶ .

При этом характерно, что рассуждения сановников о перемене государственного устройства империи, часто неоднозначные и противоречивые, лежат в совершенно иной

плоскости, нежели вопрос о происхождении манифеста 17 октября. Их восприятие манифеста как уступки плохо согласовывалось с той теоретической базой, которую они задним числом подводили под этот акт. Особенно ярко подобная коллизия проявилась у Крыжановского, который в своих воспоминаниях, вслед за многими другими, объясняет появление манифеста испугом Витте и вел. кн. Николая Николаевича перед революцией, а немного выше утверждает, что революционные потрясения "у нас имели весьма мало значения и, собственно, лишь сопутствовали изменению... способа правления". "В действительности, - продолжает Крыжановский, - русская конституция или, вернее, обновленный строй нарождались из внутреннего развития государства"⁴⁷.

Тем не менее именно манифест 17 октября воспринимался руководителями правительственной политики как поворотный пункт этого "внутреннего развития". Особым пафосом в оценке своего детища отличался Витте, который без ложной скромности писал и говорил, что манифест "отрезает вчера от сегодня, прошедшее от будущего", что "нет более старой России, а существует новая Россия", которая "зовет всех строить новую, светлую жизнь"⁴⁸. В этом мнении он был не одинок. О "коренном преобразовании нашего государственного строя"⁴⁹, о "великом историческом переломе"⁵⁰, о "глубоких изменениях" в общественных отношениях, произошедших 17 октября, говорили многие⁵¹. Д. Ф. Трепов собирался вместе со всей страной праздновать "великий патриотический национальный праздник рождения новой, свободной России"⁵²; морской министр А. А. Бирилев был уверен, что теперь "хорошая, новая жизнь потечет широкой струей"⁵³, для Гурко манифест означал начало "новой эры", а для Толстого - "превращение России одним росчерком пера в правовое государство", в "конституционную монархию с широким, кто бы что ни говорил, представительством интересов населения"⁵⁴.

Вообще, как вспоминал Крыжановский, "в сознании большинства деятелей того времени: графов Витте, Сольского и других, ...преобладала мысль, что дана конституция в смысле формального и бесповоротного отречения государя от неограниченного самодержавия"⁵⁵. Подобного мнения, по-видимому, придерживался первоначально и сам Николай II, писавший матери 19 октября, что "обязательство проводить всякий законопроект через Государственную думу - это, в сущности, и есть конституция"⁵⁶. В последующие месяцы, однако, подписание манифеста царь перестал воспринимать как ограничение своей власти. Он, вероятно, принял точку зрения, неоднократно высказывавшуюся в правых кругах, согласно которой "манифестом 17 октября государь установил новый порядок управления, признав его полезным, но в его же власти вновь изменить его, если выяснится, что он негоден"⁵⁷. "Мое самодержавие, - говорил Николай II кн. Б. А. Васильчикову, - осталось таким, каким было"⁵⁸.

Но это не мешало тому же Васильчикову, вопреки словам императора, считать, что он "ограничил свою власть и стал монархом конституционным в общеевропейском значении этого слова"⁵⁹. Еще более своеобразную позицию занимал Витте. По его словам, Николай II и после манифеста продолжал "считать себя самодержавным... в смысле "что хочу, то и сделаю..."⁶⁰. Зная это, Витте публично уверял его, что "манифест 17 октября не устанавливает конституции", но в мемуарах подчеркивал, напротив, что этот акт "окончательно и бесповоротно выводит Россию на путь конституционный, т.е. в значительной мере ограничивающий власть монарха"⁶¹.

Расхождение во взглядах между царем и его министрами вылилось почти в открытый конфликт в апреле 1906 г., при обсуждении статьи об императорской власти в проекте новых Основных законов. Николай II выразил сомнение в необходимости исключить слово "неограниченный" применительно к монарху, однако ни у кого не встретил сочувствия. Особенно характерно было выступление министра юстиции М. Г. Акимова, который начал с того, что он "не сторонник свобод, данных народу". "Но 17 октября, - продолжал Акимов, - Ваше величество добровольно себя ограничили в области законодательства... Там, где законодательная власть не принадлежит полностью императору, там монарх ограничен"⁶². Его поддержали другие сановники, и императору пришлось отступить⁶³.

Свое собственное положение "конституционных министров" государственные деятели признавали нелегким. Но, усаживаясь в министерское кресло, они говорили об этом с оттенком гордости. "Мы - конституционное правительство", - с пафосом заявлял подчиненным П. Н. Дурново в первые дни своего управления министерством⁶⁴. Сменивший его П. А. Столыпин в день назначения писал жене: "Если и ждет меня неуспех, если придется уйти через 2 месяца, то ведь надо быть и снисходительным - я ведь первый в России конституционный министр внутренних дел"⁶⁵. Однако подобные настроения быстро выветрились и у Дурново, и у Столыпина. Для правящих кругов весьма характерна та смена настроений, которую пережил И. Г. Щегловитов (министр юстиции в 1906 - 1915 гг.). Он "не только радовался, но приходил в восторг от последовавших 17-го октября изменений государственного устройства", однако впоследствии, наблюдая деятельность Думы, испытал "некоторое разочарование" от того, что законодательная работа "не налаживалась"⁶⁶.

Конфликт правительства с Государственной думой первого и второго созывов хорошо известен⁶⁷. Высокопоставленные сановники впоследствии возлагали вину за него на Думу, которую характеризовали как "собрание дикарей"⁶⁸ и "подонков нашей "интеллигенции""⁶⁹, как "сплошное революционное скопище", одержимое "ненавистью к правительству"⁷⁰. Между тем ответственность за создание Думы в том виде, как она появилась в 1906 г., в значительной мере лежала на самом правительстве. Очень многое зависело от его способности выработать единый, ясный и последовательный взгляд на роль народного представительства в возникающем "новом строе".

Витте в первое время своего премьерства возлагал на Думу большие надежды: "...Вся его надежда сосредоточивается на Государственной думе", - записал А. А. Половцов 5 ноября 1905 г.⁷¹ Месяцем позже состоялся знаменательный разговор премьера с царем. Николай II, по свидетельству присутствовавшего при этом Крыжановского, "с явным раздражением отмахнулся от сладких слов графа, когда тот стал ему доказывать, что в лице создаваемого народного представительства государь и правительство найдут опору и помощь". "Не говорите мне этого, Сергей Юльевич, - отвечал император, - я отлично понимаю, что создаю не помощника, а врага, но утешаю себя мыслью, что мне удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития..."⁷².

Ожидания Витте были, пожалуй, еще более расплывчаты. "Если явится истинное народное представительство, все облегчится, - говорил он 18 октября редакторам столичных газет. - Тяжкая обуза падет. Тогда правительство будет играть роль такую, как в культурных странах"⁷³. При всей своей неопределенности эта ссылка на европейский опыт все же подразумевала крупное - если не преобладающее - значение законодательных палат в системе государственной власти. Не случайно в те же дни премьер предупреждал Толстого: "...С открытием Государственной думы мы все должны будем уйти и уступить

место другим, если сама Дума не попросит кого-либо из нас остаться"⁷⁴. При этом основную задачу Думы Витте видел в том, чтобы выразить "желание и волю народа" и даже искоренять "произвол и насилие власти"⁷⁵. Один из ближайших его сотрудников Н. Н. Кутлер (главноуправляющий землеу-

стр. 29

ройством и земледелием) шел в этом направлении еще дальше и, ссылаясь на манифест 17 октября, признавал за Думой "учредительные функции"⁷⁶.

Для самого Витте такая перспектива была, однако, совершенно неприемлема. Напротив, он считал, что "нужно дать такую Думу, которая не обратилась бы в Учредительное собрание". При обсуждении избирательной реформы и проекта Основных законов премьер стремился, с одной стороны, обеспечить авторитет народного представительства, создать "прочную Думу", а с другой - не дать ей возможности приобрести "пошиб республиканский"⁷⁷. В своих предложениях он постоянно колебался между этими двумя направлениями: заботился о предотвращении бойкота Думы⁷⁸, затем предлагал сделать из Государственного совета "буфер" между "необузданной" нижней палатой и монархом, но при этом хотел дать Думе возможность преодолеть veto этого "средостения"⁷⁹. В проекте Основных законов он изъял из ведения представительных учреждений ряд важнейших вопросов государственной жизни, но настоял на праве Думы решать судьбу помещичьих земель⁸⁰.

Вместе с тем на фоне колебаний премьера нетрудно увидеть постепенное смещение акцентов в его воззрениях. К апрелю 1906 г., когда обсуждался вопрос об Основных законах, Витте был в первую очередь озабочен тем, чтобы обеспечить правительству возможность действовать самостоятельно, избежать его "политической кастрации"⁸¹. Роль же Думы он теперь видел прежде всего в том, чтобы "помочь правительству умиротворить и устроить Россию", и вместе со всем кабинетом надеялся найти в ней "орудие борьбы с революцией"⁸². Правительство явно не собиралось уступать инициативу в решении вопроса о дальнейшем направлении развития страны законодательным палатам. Речь шла уже не о том, чтобы прислушиваться к "воле народа", выраженной в Думе, а о том, как направлять работу этого учреждения.

Задача "не упустить руководящей роли" при обсуждении в Думе "всех социально-экономических реформ" еще в декабре 1905 г. была четко поставлена перед правительством министром финансов И. П. Шиповым. Отсюда он делал закономерный вывод: "Правительство должно выступить перед собранием народных представителей с готовой программой созидательной деятельности. Эта программа должна истекать из однородных оснований и быть детально разработанной во всех своих частях"⁸³. С конца января и в мемориях Совета министров нередко звучала мысль о необходимости "направить деятельность Государственной думы по определенному, строго деловому руслу", шла разработка соответствующей программы⁸⁴.

Важно отметить, что стремление сановников сохранить за собой инициативу преобразований отнюдь не было отказом от реформ. Напротив, реформаторские планы (в отличие от "политики уступок") сами по себе предполагали наличие единой и сильной власти. Особенно характерна в этом отношении позиция искреннего либерала Толстого. Еще при своем вступлении в кабинет он выступал за полное равноправие евреев и оспаривал предложение Витте отложить решение вопроса до созыва Думы. "Я считаю, -

говорил Толстой, - единственным и справедливым, и правильным решением его - равноправие и если могу предполагать, что Дума решит его иначе, то буду всегда считать, что она решила его неправильно и несправедливо, а следовательно, буду считать неверным и тот ход, который дал возможность решить вопрос несправедливо"⁸⁵. С другой стороны, и Дурново, сторонник жесткого контроля за деятельностью народного представительства (он заявлял, например, что "никаких партий в Думе не допустит"⁸⁶), основное средство своего влияния видел в реформаторских проектах. "Вот они (Государственная дума) увидят, какой я реакционер", - говорил он накануне своей отставки Кауфману (тогда - члену Государственного совета). План его состоял в "развитии перед Государственной думой целой программы либеральных мероприятий"⁸⁷.

Между тем та программа, которую кабинет Витте разработал ко времени созыва законодательных палат, была лишь "программой вопросов, подлежащих рассмотрению их в первую очередь". При обсуждении этих предположений особо оговарива-

стр. 30

лось, что они "не являются выражением совершенно определенных в подробностях взглядов правительства, на осуществлении которых оно должно будет настаивать перед Государственной думой". Оговорка эта была не случайна: Совет министров не без основания опасался, что "по многим вопросам трудного и спорного свойства возможно предусмотреть разногласия в среде самого Совета по самым основаниям их", не говоря уже о частностях"⁸⁸. Витте и его сотрудники так и не сумели создать той "однородной и детально разработанной" программы, которую Шипов считал необходимой для влияния на Думу.

Впрочем, и по самому складу своего ума и характера первый русский премьер едва ли годился в парламентские министры. Об этом, к примеру, ему прямо говорил в сентябре 1905 г. немецкий рейхсканцлер кн. Б. Бюлов, опытный политик и тонкий психолог. "Когда Витте возражал мне не без обиды, - вспоминает Бюлов, - что он либерал и радуется сотрудничеству с парламентом, и сумеет приручить Думу и руководить ею, я не скрыл от него своих сомнений. Правда, его аллюры были либеральными. Он обладает также замечательным европейским образованием, но весь образ его мышления был не только русским, но старорусским...". Вспоминая свидание в Норденей, Бюлов отмечал, что Витте склонен блефовать, внешне очень напорист, но за этой напористостью не кроется подлинной силы"⁸⁹.

Так или иначе, Витте не довелось выступить на парламентском поприще в качестве главы правительства. Новый Совет министров под председательством И. Л. Горемыкина был составлен в последние дни перед открытием I Государственной думы, и в его рядах первоначально царил некоторая растерянность. "Дума была созвана, - писал впоследствии Крыжановский, - но зачем - никто не знал... Дума не умела ни в чем разобраться, а правительство не знало, как к Думе подступить"⁹⁰. Наибольшей определенностью, по свидетельству очевидцев, отличались взгляды "правого крыла" Совета министров - главноуправляющего землеустройством и земледелием А. С. Стишинского и обер-прокурора Св. Синода кн. А. А. Ширинского-Шихматова. Они были "убежденными противниками нового строя" и не упускали случая заявить, что нормальная работа правительства "станет возможной не раньше, чем будет восстановлена самодержавная власть"⁹¹. Этот фланг кабинета сознательно выступал за обострение

отношений с Думой, полагая, что она - "учреждение революционное, которое надо немедленно разогнать, а лучше всего просто упразднить"⁹².

Другие министры, однако, не разделяли этих воззрений. Некоторые из них по своим взглядам были ближе к Витте в первое время его премьерства. Щегловитов обратился к Думе с "робкой и заискивающей речью"⁹³, называя ее представителем "воли народной" и приветствуя ее разномыслие с правительством как "залог совершенствования" русских законов⁹⁴. Еще дальше пошел Кауфман в приветственной речи к своим подчиненным по случаю вступления в должность. "С открытием Государственной думы, - говорилось в черновике этой речи, - мы будем скорее и непосредственнее знать действительные и жизненные потребности школы и получать [зачеркнуто: руководящие] указания как путей, так и средств к их удовлетворению"⁹⁵. Остальные члены кабинета, не впадая в подобные крайности, были все-таки склонны "при возможно меньшем числе уступок народному представительству... так или иначе с ним сговориться"⁹⁶.

Сам Горемыкин занял своеобразную позицию. Идея "сговора правительства с Государственной думой" была ему абсолютно чужда, и дело тут, кажется, не только в "неосуществимости" подобной комбинации, о чем писал Гурко⁹⁷. Сговор был бы возможен между двумя политическими силами, а Горемыкин не признавал такого значения ни за правительством, ни за Думой. Совет министров, по его мнению, мог быть "самостоятельным политическим фактором" лишь в парламентарных государствах, в России же он является "ничем иным, как непосредственным органом действия верховной власти и исполнителем ее предначертаний"⁹⁸. Отрицал он самостоятельную роль и за представительными учреждениями. "Открытие Государственной думы и Государственного совета, - полагал Горемыкин в апреле 1906 г., - дает царю (не пра-

стр. 31

вительству, как бы ни понимать это выражение) случай высказаться о том или другом предмете перед русским народом. Необходимо, чтобы Россия поняла, что с ней говорит сам царь... Надо во что бы то ни стало избежать, чтобы на этих (царских. - Г. К.) словах могла основываться какая бы то ни было политическая игра". Не отрекаясь от нового государственного устройства и вовсе не желая "идти по пути реакции", он, однако, по-прежнему считал императора единственным "самостоятельным фактором" политической жизни". А поскольку на согласие Думы с такой точкой зрения рассчитывать не приходилось, новый премьер был озабочен тем, чтобы "отстоять власть" от натиска общественности, оказывая ей "спокойное, но упрямое пассивное сопротивление"¹⁰⁰. Заранее уверенный в невозможности совместной работы с Государственной думой, Горемыкин не хотел форсировать ее роспуск и предлагал сначала "дать Думе самой похоронить свой престиж в народном сознании и обнаружить свое бессилие"¹⁰¹. Подобная пассивная позиция вызывала резкую критику со стороны тех сановников, которые, как А. П. Извольский и министр финансов В. Н. Коковцов, были готовы понять лишь два возможных решения: либо поиск соглашения с Думой, либо твердый курс на ее роспуск. Извольский при этом склонялся к первому варианту, Коковцов - ко второму¹⁰².

Расходясь в оценке роли народного представительства в "новом строе" российской государственности, члены правительства не были едины и в понимании своего собственного места в этой системе. Этот вопрос остро встал после принятия Думой адреса императору, который был расценен как покушение на прерогативы монарха. Извольский, ориентируясь на западную парламентскую практику, считал, что кабинет "не призван

вмешиваться в диалог между государем и народным представительством" (к этому же склонялся и сам Николай II, предполагавший ответить Думе от своего имени)¹⁰³, тогда как Горемыкин склонен был "не обращать вовсе внимания на думский адрес"¹⁰⁴. Большинство министров, однако, пришло к заключению, что правительство должно "стать между тронem и народным представительством" и принять на себя "всю тяжесть столкновения"¹⁰⁵.

Можно констатировать, что именно правительство в 1906 г. оказалось тем буфером, на роль которого Витте предназначал Государственный совет. Иначе сложиться и не могло, поскольку в период существования I Думы "борьба за власть" почти не отражалась в области законодательства. Совет министров во главе с Горемыкиным фактически сам отказался от работы в этой сфере, не воспользовавшись тем, что было подготовлено при Витте, и не создав своей "сколь-нибудь разработанной, продуманной и принятой членами Совета программы"¹⁰⁶. Ни о какой руководящей роли правительства в таких условиях речь идти не могла, ему оставалось лишь, по язвительному выражению Витте, "изображать скалу" в смысле "свойства скалы молчать, переносить удары, выказав неспособность отвечать мыслью на мысль"¹⁰⁷. По иронии судьбы, не кто иной, как председатель I Думы С. А. Муромцев в частной беседе с А. Ф. Редигером советовал правительству взять инициативу в свои руки, "составить соображения и проводить их", поскольку "Дума готова уважать сильное правительство, которое твердо и с убеждением будет проводить свои взгляды"¹⁰⁸. Горемыкин, которому Редигер сообщил о состоявшемся разговоре, отнесся к подобному предложению скептически. Несколько позже позиция правительства решительно изменилась, но произошло это уже по инициативе Столыпина, сменившего Горемыкина на посту премьера.

Взгляды Столыпина к тому моменту претерпели некоторые изменения. При назначении министром внутренних дел в апреле 1906 г. он ставил перед собой довольно скромную задачу: "Пробыть министром 3 - 4 месяца, выдержать предстоящий шок, поставить в какую-нибудь возможность работу совместную с народными представителями и этим оказать услугу родине"¹⁰⁹. В первой же своей думской речи он очень четко отделил сферу своей деятельности от компетенции народного представительства. "Мне надлежит справедливо и твердо охранять порядок в России, - заявлял Сто-

стр. 32

лыпин. - Это моя роль, а захватывать законодательную власть я не вправе, изменять законы я не могу. Законы изменять и действовать в этом направлении будете вы"¹¹⁰.

Не прошло, однако, и нескольких месяцев, как новый кабинет начал изменять законы самостоятельно (по известной 87-й статье). При этом, приступая к реформам, Столыпин рассчитывал "дать им первоначальное осуществление в пределах разумной осторожности, которой нельзя было ожидать от Государственной думы". Перехватив инициативу, он хотел лишить новую Думу возможности "увлекаться бесконечными дебатами и бессильными декларациями"¹¹¹. Он сам признавал это несколько месяцев спустя: "Страна была настолько взбудоражена, что необходимо было, ранее созыва новых представителей и для того, чтобы вывести их работу из сферы политического митинга в русло спокойной работы, немедленно вскрыть самые болезненные нарывы и положить твердое реальное начало реформам, которых так давно и справедливо ждет вся Россия"¹¹². Реформаторская деятельность, как вспоминал Коковцов, должна была показать населению, что правительство "берет на себя полную ответственность" за разрешение его нужд,

"проводит свою точку зрения в жизнь", оставляя Думе возможность лишь внести в принятые меры "всевозможные исправления"¹¹³.

В сущности, эта столыпинская концепция была развитием тех идей о руководящей роли правительства, которые вдохновляли Витте в последние месяцы его правления. Конечно, сам Витте, обиженный на судьбу и яростно критикующий в своих мемуарах весь столыпинский режим, никогда бы этого не признал. Но при всем различии политического облика этих двух государственных деятелей, общность проблем, стоявших перед ними, не могла не сказываться на их политике. Достаточно вспомнить, например, что предоставление крестьянам права свободного выхода из общины, впоследствии проведенное Столыпиным по 87-й статье (указ 9 ноября 1906 г.), Витте безуспешно пытался провести через еще не реформированный Государственный совет за месяц до открытия Думы. Тогда он не соглашался отложить этот вопрос до Думы, "где его будут обсуждать сами крестьяне", заявляя, что "ему хорошо известно, какие элементы войдут в Думу". По его словам, "масса крестьян, кои туда появятся, будут заняты одной мыслью, одним требованием - получить откуда бы то ни было прибавку земли"¹¹⁴.

В русле политики Витте Столыпин следовал и в вопросе о соотношении реформаторской деятельности правительства с необходимостью проведения репрессий. Во всяком случае приписываемая Столыпину формула "сначала успокоение, а потом - реформы"¹¹⁵ еще 18 октября 1905 г. прозвучала из уст Витте. "Я с вами согласен, - говорил Витте редакторам столичных газет, - что нужно провести реформы в жизнь, но для этого прежде всего надо сделать все, чтобы на улицах не стреляли"¹¹⁶. Однако если в сознании Столыпина эти стороны правительственной политики органично сочетались (он любил говорить о "порядке, необходимом для развития самых широких реформ"¹¹⁷), то Витте чувствовал противоречивость подобного курса, оправдывал репрессии "горькой необходимостью" и утешал себя и других уверениями, что "меры эти временны"¹¹⁸. Характерно в этом смысле его письмо А. С. Суворину в декабре 1905 г. "Я обязан следовать манифесту 17-го октября и разъяснительному к нему докладу, - писал Витте. - Я не пойду далее этого, и не хотелось бы идти назад. Но, к сожалению, *приходится временно идти назад, дабы очистить дорогу*, подавить мятежи и смуты, препятствующие исполнению программы 17-го октября"¹¹⁹.

Приведенные слова Витте примечательны и в другом отношении. Манифест 17 октября был для него не фактом истории, а импульсом или вектором, от которого следует отсчитывать направление движения "вперед" или "назад". Подобное воззрение было весьма распространено в правящих кругах, в том числе и среди противников виттевского курса. Так, Дурново высказывался в том смысле, что "пришло время тормозить машину, если уж нельзя повернуть ее обратно"¹²⁰. Еще более образно выражался П. Х. Шванебах (государственный контролер с апреля 1906 г. по июнь 1907 г.), который к весне 1907 г. оказался оппонентом Столыпина "справа". Он уверял импе-

ратора, что политика "бережения Думы" ведет Россию в тупик, что "надо дать задний ход, дабы выйти на путь, идущий вперед, но идущий туда правильным ходом" (речь шла об изменении избирательного закона и длительном перерыве до созыва новой Думы)¹²¹.

Толстой, придерживавшийся совершенно противоположных взглядов, в бытность свою министром был намерен вместе с Витте "вести порученное нам дело вперед, по пути

"либеральных" реформ". С манифестом 17 октября, по его мнению, страна вступила в "переходное время", которое должно привести либо к "обновлению России", либо к ее "распадению и гибели" в зависимости от того, пойдет ли власть "по новому пути" или "вернется на старый, со всеми его опасностями и мерзостями"¹²². Столыпин, возглавив Совет министров, также говорил о нескольких "возможных путях", и столь же решительно избирал из них курс "решительных реформ"¹²³. Он верил в благополучный исход начавшегося в октябре 1905 г. "критического периода усиленного роста", периода "перестройки, а следовательно и брожения"¹²⁴. При всем различии своих программ и Толстой, и Столыпин (как, впрочем, и многие другие) немалую долю вины за это "брожение" возлагали на Думу, подчеркивали ее неработоспособность и потому отнюдь не были склонны полностью доверять ей проведение "перестройки"¹²⁵.

Многие из представителей высшей бюрократии в манифесте 17 октября отмечали прежде всего не реформаторскую перспективу (манифест как "уступка" и не мог ее иметь в их глазах), а факт изменения государственного строя, перемену в системе власти. Как отмечалось выше, эта перемена представлялась сановникам весьма резкой (они говорили о "переломе", произведенном "одним росчерком пера"¹²⁶), за которой в России неизбежно должен был последовать, выражаясь словами Горемыкина, "период приспособления к новым условиям"¹²⁷. Сущность же этого "приспособления" расценивалась по-разному. Так, для военного министра Редигера, подчеркивавшего свою отдаленность от политических вопросов, речь шла о последовательных созывах и роспусках Государственной думы в ожидании общественного успокоения. "Самая противная мысль, - писал он в декабре 1906 г., - это о будущей Думе, от которой я не жду еще хорошего. Дельную Думу мы получим не скоро"¹²⁸. Толстой отметил характерные слова Редигера, что "если вторая Государственная дума будет такая же, как и первая, то правительство не задумается распустить ее. "Я думаю, - добавил Редигер, - что пятая Дума будет даже неработоспособной"¹²⁹.

Эта "неработоспособность" Думы имела, по мнению ряда государственных деятелей, глубокие корни, связанные с отсутствием у русского народа "правового сознания". "Хотя "конституция" и оказалась, - вспоминал Крыжановский, - но тут лишь заметили, и раскрыла это Первая Дума, что не оказалось "граждан", способных к ее восприятию"¹³⁰. Существование "нового строя", таким образом, было теснейшим образом связано с созданием широкой социальной опоры режима, которую затем искали в лице будущих единоличных земельных собственников, экономически сильных и политически консервативных. Еще в марте 1906 г. Гурко, один из основных творцов аграрной реформы, получившей имя Столыпина, призывал "немедленно, не упуская ни одного дня, создать экономический мост между малоимущей невежественной массой населения и его верхним зажиточным, но тонким слоем". Без этого, продолжал Гурко, "мы не будем в состоянии охранить наш государственный строй, охранить права, дарованные манифестом 17 октября"¹³¹. Впоследствии этот тезис был принят большинством столыпинского кабинета, подчеркивавшим, что "новый политический порядок в нашем отечестве, для своей прочности и силы", нуждается в "таком распорядке хозяйственного строя, который опирался бы на начала личной собственности и на уважение собственности других", требует "крепкой среды мелких и средних собственников"¹³². Вопрос о том, в какой степени (и в каком качестве) крестьянство, пусть даже богатое и консервативное, может стать опорой "нового строя" и "конституции", даже не ставился.

Во всяком случае курс на создание новой социальной опоры власти не мог дать быстрых результатов. Между тем невозможность для правительства найти общий язык с Думой первого и второго созывов переживалась государственными деятелями весьма тяжело. Даже Витте весной 1907 г. всерьез рассматривал перспективу "прекратить на известное время действие "конституции", прибегнув, может быть, даже к диктатуре"¹³³. Это, как писал впоследствии Крыжановский, "было бы самое лучшее, при условии, чтобы диктатор двигал жизнь, а не ставил ей препоны"¹³⁴. Отказ от представительных учреждений, вторил ему Витте, был бы к лучшему, "если бы явился Петр Великий", однако "такого не было и покуда не предвидится"¹³⁵. Перспектива возврата к концепции "реформ сверху" в ее чистом виде была столь же привлекательна, сколь и призрачна.

Непосредственно в составе Совета министров летом 1907 г., когда решалась дальнейшая судьба "нового строя", лишь Шванебах выступал за "полный поворот" в правительственной политике, чтобы, "развязавшись с Думой", заняться "систематической работой устроения наших дел". Речь, впрочем, шла не об упразднении народного представительства (никакой замены ему Шванебах предложить не мог), а о "приостановке" его работы на 5 - 10 лет¹³⁶. Все остальные министры, признавая необходимость "что-то сделать немедленно", были единодушны в намерении "спасать саму идею Государственной думы". Единственную же реальную альтернативу упразднению Думы они видели в издании нового избирательного закона¹³⁷. С его помощью государственные деятели надеялись, выражаясь словами Крыжановского (автора этого закона), "избрать из русского хаоса по крупинке те элементы, в коих жило чувство русской государственности, и из них создать Думу как орган перевоспитания общества"¹³⁸. Так родилась идея "государственного переворота" 3 июня 1907 г. Трудно сказать, насколько его творцы верили в успех подобного предприятия. Во всяком случае, сам Крыжановский, представляя свои проекты в Совете министров, утверждал, что "решает дело не избирательный закон, а общественное настроение": до тех пор, пока оно остается революционным, "и Дума будет революционной, каков бы ни был издан закон"¹³⁹.

С другой стороны, сложно было не заметить вопиющего противоречия между аграрной реформой и новым избирательным законом. "Его основой, - писал в эмиграции Крыжановский, - служило крупное владение, которое быстро разлагалось в условиях переходного времени, а следовательно, и постройка, на нем утвержденная, должна была в более или менее предвидимом будущем потерять свое значение". Процесс быстрого раздробления дворянских имений и перехода земель "в руки мелких собственников из крестьян" (происходивший при активном содействии правительства!) порождал у Крыжановского "вполне основательное опасение, что последующие Думы вновь дадут преобладание некультурным слоям с их первобытными воззрениями на государство и собственность"¹⁴⁰.

Правительство не могло, однако, отказаться ни от земельной реформы, ни от Думы. Зачем же высокопоставленные сановники упорно "спасали" народное представительство? Почему на протяжении первых лет существования "нового строя" идея отказа от него не имела в среде кабинета сколько-нибудь значительного числа приверженцев и ни разу всерьез не обсуждалась на заседаниях Совета министров? Однозначный ответ на этот вопрос едва ли существует, но несколько факторов различного порядка нужно отметить.

Одной из существенных причин следования правительства по пути осуществления манифеста 17 октября, безусловно, был страх перед революционным движением - тот страх, который, по мнению сановников, в значительной мере обусловил и само появление манифеста. К числу наиболее "испуганных" относился, в частности, Д. Ф. Трепов,

считавший, что, "раз император дал известные свободы и их узаконил, всякое с его стороны отступление от них явилось бы опасностью для династии"¹⁴¹. Оставаясь "уступкой", манифест вместе с тем был для него "уступкой окончательной"¹⁴². Еще более определенной была позиция наместника на Кавказе гр. И. И. Во-

стр. 35

ронцова-Дашкова. "Необходимым условием" для успокоения Кавказа, писал он Николаю II вскоре после появления манифеста, является "строгое соблюдение принципов манифеста Вашего величества от 17 октября. Всякий намек на нарушение этих принципов возбуждает умы и делает людей склонными к новым проявлениям насилия в форме стачек, уличных беспорядков и политических убийств"¹⁴³. В те же дни он обращался к Витте с почти паническим призывом: "Необходим скорейший созыв Думы, это единственное средство успокоения, и только собравши ее, можно будет разобраться и сосчитать своих"¹⁴⁴.

Революционные силы нередко представлялись воображению государственных деятелей в виде грозной природной стихии, с которой не в силах совладать немощная рука человека. Наиболее яркий пример подобного рода можно обнаружить в черновике вышеупомянутого письма Воронцова-Дашкова к Витте. "Мы должны теперь плавать по течению, - подчеркивал он, - стараясь направить лодку так, чтобы она не ударилась о камень или не попала в водоворот, но думать о постройке плотины для задержания бушующего потока - по меньшей мере смешно"¹⁴⁵. Образ "бушующего потока" революции у государственных деятелей вообще был одним из наиболее популярных. Толстой, как и Воронцов, скептически оценивал попытки правительства "соорудить плотину против этого течения"¹⁴⁶. Кауфман развивал данную аналогию дальше и призывал императора не терять времени на "восстановление плотины", а "забежать вперед" потока и "устроить для него по течению канал, дав волне выход"¹⁴⁷. Витте говорил царю о необходимости "переплыть разбушевавшийся океан"¹⁴⁸. Встречается у него и другой распространенный образ - образ пожара: "Вся Россия находится или в материальном, или в психическом пожаре"¹⁴⁹. Тот же пример в июне 1906 г. использовал Д. Ф. Трепов, поясняя П. Н. Милюкову свои планы по созданию "кадетского кабинета". "Когда дом горит, - говорил Трепов, - то выбор может быть только один: или сгореть в нем, или рискнуть на скачок с пятого этажа, хотя бы и с риском сломать себе ноги"¹⁵⁰.

Все эти примеры испуга правящей бюрократии и ощущения ею своего бессилия относятся, однако, почти исключительно к периоду осени 1905 - лета 1906 гг. Их исчезновение в дальнейшем следует объяснять, вероятно, удачным роспуском I Думы и начавшимся спадом революционного движения. Нет никаких сведений о том, что подобные мотивы играли существенную роль накануне "третьеиюньского переворота". Но для некоторых сановников по-прежнему не теряла актуальности другая сторона проблемы - вопрос об авторитете власти, на котором останавливается, в частности, Васильчиков в своих мемуарах. "Нельзя было безнаказанно для авторитета монархии давать понять, - указывал он, - что царь, под влиянием советников, в минуту, когда толпы буйствовали, электричество потухло и поезда остановились, что-то такое подписал, а теперь, когда все успокоилось, поезда двигаются и телеграф работает, можно это взять обратно"¹⁵¹.

Невозможность возврата к прежним порядкам для многих государственных деятелей была связана и с резкой критикой ими прежнего "бюрократического режима", с их уверенностью в том, что, как писал Витте в своем докладе 17 октября, Россия его

"переросла"¹⁵². "Река обратно не течет", - утверждал Кауфман, доказывая в июне 1906 г. невозможность реакции¹⁵³. Ни Витте, ни Кауфман, ни другие высокопоставленные сановники не сомневались в заданности общего направления государственного "роста". Все они (за редчайшими, быть может, исключениями) в своем восприятии происходящего в России исходили прежде всего из опыта стран Западной Европы¹⁵⁴. Наиболее последователен в этом отношении был Извольский, "не упускавший ни одного случая, чтобы не приложить к нашим революционным порядкам шаблона западноевропейского конституционализма"¹⁵⁵. На этой почве в Совете министров имел место факт почти анекдотического характера. На очередном заседании, посвященном вопросу о роспуске II Государственной думы, Извольский, возражавший против этой меры, изменил свое мнение. "Я все время, - заявил он, - был против роспуска Думы, потому что не усматривал для этого таких причин, которые могли бы убедить

стр. 36

Европу в корректности русского правительства. Но вот на днях в Португалии парламент был распущен без всяких поводов и причины, просто потому, что он оказался ни к чему не годным. Мне кажется, что ввиду такого прецедента и для нас было бы возможно поступить по примеру Португалии..."¹⁵⁶.

Извольский в своем "западничестве" договорился до крайностей, но по существу мало в чем расходился с целым рядом других сановников, начиная с Витте. Отдыхая в Европе, отставной премьер признавался близким знакомым: "В бессонные ночи я иногда думаю, не сделал ли я ошибки, настаивая на акте 17-го октября... Но история всего человечества говорит о том, что другого исхода не могло быть. Или все человечество и я с ним ошибались, или я был прав"¹⁵⁷. Нередко именно манифест 17 октября считался рубежом в европейском развитии России. "С этого дня, - писал Гурко весной 1906 г., - мы стали на тот путь, по которому шли все государства Западной Европы"¹⁵⁸. С этого времени, как заявлял столыпинский кабинет in сопрога, "русская жизнь восприняла характерные черты западноевропейского строя"¹⁵⁹.

Предопределенность движения страны по пути "всего человечества" (что означало, конечно, европейский путь) признавалась государственными деятелями независимо от их симпатий и антипатий. Показателен в этом отношении пример Редигера. "Несомненно, - писал он, - Россия со временем должна была обратиться в конституционное государство по примеру остальной Европы, ...и я на отказ от самодержавия смотрел как на неизбежное в будущем зло"¹⁶⁰. Еще более трагичную перспективу рисовал в 1906 г. Кауфман. По его мнению, "наша смута - эпизод той же великой революции, которая началась в 1789 г. во Франции, повторилась в 1830 г., перешла в 1848 г. на остальную Европу и ныне разразилась у нас". За всеми потрясениями ему виделся "еврейский всемирный союз, слившийся со всемирной масонской организацией", который стремится "подчинить Россию верховенству еврейского синдиката капиталистов, как ему уже подчинены все государства и народы Европы". "Думаю, что общей судьбы и нам не миновать", - подводил Кауфман печальный итог, причем в его сознании из этого парадоксальным образом рождалась вполне либеральная мысль о необходимости дать российским евреям равноправие¹⁶¹. На ту же Великую французскую революцию любил ссылаться Шванебах, подчеркивая сходство в настроениях Думы и французского Учредительного собрания¹⁶².

"Западничество" многих высокопоставленных сановников исключало саму постановку вопроса о направлении дальнейшего развития России, а вместе с тем снимало с них

ответственность за выбор пути. Обособленность "Святой Руси" (о которой некоторые вспоминали с оттенком ностальгии) была для них все же слишком тяжелой ношей. Психологически гораздо заманчивее было опереться на известный из учебников опыт "всего человечества". Само существование Думы тоже в некотором смысле давало правящей бюрократии возможность "спрятаться" за народное представительство. Созывая Думу, правительство, по свидетельству Крыжановского, стремилось "свалить со своих плечей ответственность, которая на нем до тех пор лежала, и создать новую точку равновесия (опоры), на которую можно было бы переложить и эту ответственность, и раздражение беспокойной части общества"¹⁶³.

Подобные настроения были характерны и для таких бесспорно крупных государственных деятелей, как Витте и Столыпин, поначалу надеявшихся разделить с Думой "тяжкую обузу" власти¹⁶⁴. Но стремление развить "новый строй", проводить реформаторскую программу, волей-неволей приводило их к необходимости брать на себя ответственность, не упуская инициативу в разработке важнейших вопросов жизни страны. И Витте, и Столыпину современники приписывали стремление "лавировать" между царем и Думой, опираться на Думу в борьбе с царским окружением¹⁶⁵. В условиях дуализма "думской монархии", быть может, это был единственный путь осуществления какой бы то ни было программы.

Однако для того, чтобы действительно руководить страной, требовалось, помимо доверия монарха и поддержки в Думе, наличие в самом правительстве сплоченной команды, объединенной четкими и цельными взглядами на задачи правительственного

стр. 37

курса. При отсутствии такой команды неизбежные межведомственные столкновения и несогласованность отдельных элементов правительственной программы (репрессий и расширения гражданских свобод, аграрной реформы и избирательного закона 3 июня, и т.д.) заводили внутреннюю политику самодержавия в тупик.

Между тем, в новой политической системе руководители министерств и ведомств сохранили практически в неизменном виде свое прежнее влияние на принятие решений. Революция не выдвинула политической силы, способной не только претендовать, но и добиться полноценного участия в управлении страной. Однако в условиях ограничения власти монарха народным представительством положение правительства стало менее устойчивым. Еще более зыбким было понимание государственными деятелями создавшейся ситуации, стоящих перед ними задач и возможных методов их решения. Происхождение и сущность "нового строя", его соответствие потребностям и представлениям народа, характер взаимоотношений правительства с Думой и дальнейшие судьбы народного представительства не только вызывали разногласия между сановниками, но и для каждого из них в отдельности зачастую представляли трудноразрешимую загадку истории, не имевшую однозначного решения. Ни спад революционного движения, ни избирательная реформа, временно снимавшие напряженность политической обстановки, не могли устранить внутренних, органических противоречий "нового строя", в полной мере отражавшихся в самосознании правящей бюрократии.

Не случайно характерная для многих государственных деятелей резкая критика существующего положения вещей не сопровождалась сколько-нибудь отчетливым

видением положительного идеала развития страны. Возврат к прежнему режиму был для них психологически невозможен, да и сам этот режим не вызывал у сановников особых симпатий. Скептически оценивая личные качества Николая II как самодержца, они склонны были приветствовать ограничение его власти, которое притом вполне соответствовало их представлениям о прогрессивном движении человечества. С другой стороны, разразившаяся в стране революция стала наглядным доказательством отсутствия у самодержавия достаточно прочной социальной опоры, и создание Государственной думы вместо того, чтобы восполнить этот недостаток, лишь явственнее его обозначило. Впрочем, Дума, "придуманная" в том виде, как она появилась, самим правительством, едва ли вообще могла обеспечить власти реальную поддержку в обществе. После безболезненного роспуска I и II Дум наличие у "народного представительства" прочных корней вызывало в правящих кругах все большие сомнения. Тем самым, "новый строй" не столько расширял социальную опору самодержавия, сколько создавал иллюзию такого расширения, значительно усложняя при этом систему государственного управления. В результате, хотя общественное движение после 1905 и вплоть до 1915 - 1916 гг. становилось все слабее, а партии постепенно рассыпались, у государственной власти, как ни странно, к 1917 г. оказалось еще меньше авторитета и средств для борьбы с революционными выступлениями, чем 12 лет назад. Спасти страну от дальнейших потрясений "новый строй", возникший в ходе Первой русской революции, оказался не в состоянии.

Примечания

¹ Крыжановский С. Е. Воспоминания. Берлин, [1938]. С. 220.

² Христофоров И. А. От самодержавия к думской монархии // Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005 (далее - Первая революция в России); Малышева О. Г. Думская монархия: рождение, становление, крах. М., 2001.

³ О спорах относительно характера "нового строя" см.: Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 216 - 217; Первая революция в России. С. 409 - 413.

⁴ Первая революция в России. С. 409.

⁵ Королева Н. Г. Первая российская революция и царизм: Совет министров России в 1905 - 1907 гг. М., 1982.

⁶ Кризис самодержавия в России. 1895 - 1917. Л., 1984. С. 157 - 324.

⁷ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999; Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте - финансист, политик, дипломат. М., 1998; Бородин А. П. П. Н. Дурново: портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3; его же. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004; Корелин А. П. Петр Аркадьевич Столыпин // Российские реформаторы XIX - начала XX в. М., 1995 и др.

⁸ Кирьянов И. К. Лукьянов М. Н. Российская бюрократия в условиях кризиса, 1905 - 1906 гг. // Политическая и духовная культура Европы. (Новое и новейшее время). Пермь, 1992.

- ⁹ См.: Малышева О. Г. Указ. соч.
- ¹⁰ Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991.
- ¹¹ Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996.
- ¹² Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005.
- ¹³ Там же. С. 413.
- ¹⁴ Цит. по: Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. СПб., 2003. С. 210.
- ¹⁵ Там же. С. 242, 240.
- ¹⁶ См., напр.: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. С. 102 - 109.
- ¹⁷ Царскосельские совещания. Протокол секретного совещания под председательством бывшего императора по вопросу о расширении избирательного права // Былое. 1917. N 3. С. 253.
- ¹⁸ Цит. по: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте - мемуарист. СПб., 1994. С. 56. Фраза эта, обнаруженная в черновике одной из инспирированных Витте публицистических брошюр, была вычеркнута в окончательном ее варианте (см.: Морской А. Исход Российской революции 1905 г. и правительство Носаря. М., 1911).
- ¹⁹ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 497, 499, 488.
- ²⁰ Там же. С. 486, 488, 492, 494 и др.
- ²¹ РГИА, ф. 1656, оп. 1, д. 87, л. 22 об. (воспоминания Г. О. Рауха).
- ²² Извольский А. П. Воспоминания. М., 1989. С. 17.
- ²³ Васильчиков Б. А. Воспоминания. М., 2003. С. 217; Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. N 2. С. 125.
- ²⁴ Извольский А. П. Указ. соч. С. 176.
- ²⁵ Совет министров Российской империи, 1905 - 1906 гг.: Документы и материалы. Л., 1990. С. 36 - 37; Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 484 - 485.
- ²⁶ Гурко В. И. Указ. соч. С. 467.
- ²⁷ Крыжановский С. Е. Воспоминания. С. 56.
- ²⁸ Васильчиков Б. А. Указ. соч. С. 200.
- ²⁹ РГИА, ф. 954, оп. 1, д. 311, л. 1 об. (всеподданнейший доклад П. М. Кауфмана 3 июня 1906 г.).

- ³⁰ Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. М., 1997. С. 16; Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 44.
- ³¹ Редигер А. Ф. История моей жизни: воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 473.
- ³² Воспоминания... И. И. Толстого. С. 166.
- ³³ Гурко В. И. Указ. соч. С. 426; Васильчиков Б. А. Указ. соч. С. 192.
- ³⁴ РГИА, ф. 954, оп. 1, д. 311, л. 1 об.
- ³⁵ ГА РФ, ф. 859, оп. 1, д. 11, л. 31. Почти так же характеризует И. Л. Горемыкина и Г. О. Раух (РГИА, ф. 1656, оп. 1, д. 87, л. 23 - 23 об.).
- ³⁶ Коковцов В. Н. Из моего прошлого: воспоминания (1903 - 1919). Кн. 1. М., 1992. С. 149.
- ³⁷ Васильчиков Б. А. Указ. соч. С. 230.
- ³⁸ Гурко В. И. Указ. соч. С. 426.
- ³⁹ Там же. С. 485; Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 42; Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 207.
- ⁴⁰ Васильчиков Б. А. Указ. соч. С. 197, 214 - 215. О том же писал Витте. См.: Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 249.
- ⁴¹ Гурко В. И. Указ. соч. С. 37, 35, 45.
- ⁴² Редигер А. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 283 - 284.
- ⁴³ РГИА, ф. 954, оп. 1, д. 311, л. 2 - 2 об. Воспоминания... И. И. Толстого. С. 25, 23.
- ⁴⁴ Извольский А. П. Указ. соч. С. 99 - 100.
- ⁴⁵ Там же. С. 176; ГА РФ, ф. 559, оп. 1, д. 86, л. 40 об. (дневник А. П. Извольского).
- ⁴⁶ Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. N 2. С. 125, 116 - 117.
- ⁴⁷ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 240, 244, 270; Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 95.
- ⁴⁸ РГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 46, л. 2 (записка И. П. Шипова 14 декабря 1905 г.).
- ⁴⁹ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия...: полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906 - 1911 гг. М., 1991. С. 63, 61.
- ⁵⁰ Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. Ч. I. М., 1982. С. 146; Совет министров Российской империи. С. 360.
- ⁵¹ Гурко В. И. Указ. соч. С. 469; Герасимов А. В. Указ. соч. С. 38.

⁵³ ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 1176, л. 6 об. (письмо А. А. Бирилева Николаю II 20 октября 1905 г.).

стр. 39

⁵⁴ Гурко В. И. Указ. соч. С. 467; Воспоминания... И. И. Толстого. С. 152,160. А. П. Извольский, говоря о манифесте и новых Основных законах, также с удовлетворением отмечает, что Россия получила "полную конституционную систему" (ГА РФ, ф. 559, оп. 1, д. 86, л. 24; Извольский А. П. Указ. соч. С. 22).

⁵⁵ Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. N 2. С. 126.

⁵⁶ Цит. по: Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 214.

⁵⁷ Первая революция в России. С. 452.

⁵⁸ Васильчиков Б. А. Указ. соч. С. 193, 221.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 247.

⁶¹ Царскосельские совещания. Протокол секретного совещания в феврале 1906 г. под председательством бывшего императора по выработке учреждений Государственной думы и Государственного совета // Былое. 1917. N 5 - 6. С. 307, 295; Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 249, 270.

⁶² Царскосельские совещания. Протокол секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. 1917. N 4. С. 206 - 207.

⁶³ Подробнее см.: Первая революция в России. С. 407 - 408.

⁶⁴ Герасимов А. В. Указ. соч. С. 43.

⁶⁵ Столыпин П. А. Переписка. М., 2004. С. 606. Примеры эти не единичны. Так, Васильчиков вскоре после своего назначения заявлял коллегам, что "почитает себя конституционным министром" (Гурко В. И. Указ. соч. С. 589).

⁶⁶ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 2. М.; Л., 1925. С. 340.

⁶⁷ См., напр.: Власть и реформы. С. 538 - 541, 544 - 545; Первая революция в России. С. 436 - 450, 496 - 505.

⁶⁸ Крыжановский С. Е. Воспоминания. С. 82.

- ⁶⁹ ГА РФ, ф. 543, оп. 1, д. 515, л. 27 об. (всеподданнейшая записка П. Х. Шванебаха 16 июня 1906 г.).
- ⁷⁰ Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 223, 217, 157, 162. Сходные рассуждения можно встретить у многих других сановников. См., напр.: Гурко В. И. Указ. соч. С. 24, 574; Извольский А. П. Указ. соч. С. 70 - 71; Воспоминания... И. И. Толстого. С. 218, 259; Особые журналы... Ч. I. С. 32.
- ⁷¹ Половцов А. А. Дневник//Красный архив. 1923. Т. 4. С. 84; Извольский А. П. Указ. соч. С. 19.
- ⁷² Крыжановский С. Е. Воспоминания. С. 66. Этот разговор со слов Крыжановского описывает и Гурко. См.: Гурко В. И. Указ. соч. С. 551.
- ⁷³ Манифест 17 октября // Красный архив. 1925. Т. 4 - 5. С. 101.
- ⁷⁴ Воспоминания... И. И. Толстого. С. 19.
- ⁷⁵ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 455; Воспоминания... И. И. Толстого. С. 197.
- ⁷⁶ РГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 89, л. 73 (письмо Н. Н. Кутлера Н. И. Вуичу 7 января 1906 г.).
- ⁷⁷ Царскосельские совещания. Протокол секретного совещания... по вопросу о расширении избирательного права. С. 248 - 249; Царскосельские совещания. Протокол секретного совещания... по пересмотру Основных законов. С. 190.
- ⁷⁸ Совет министров Российской империи. С. 285 - 293; "Не переоцените моих сил и способностей". Из воспоминаний кн. С. Д. Урусова о 1905 г. // Исторический архив. 2004. N 1. С. 124 - 125.
- ⁷⁹ Царскосельские совещания. Протокол секретного совещания... по выработке учреждений Государственной думы и Государственного совета. С. 293, 306 - 307. В те же дни состоялся характерный разговор Витте с М. М. Ковалевским о роли Государственного совета. "Начал он с того, - рассказывал Ковалевский, что спросил в упор: объясните мне, как наука смотрит - что такое верхняя палата - тормоз или маховое колесо, я старый железнодорожник и мне, как технику, так будет понятнее...". Ковалевскому оставалось лишь развести руками и констатировать, что можно использовать верхнюю палату "и как тормоз, и как маховое колесо" (РГАЛИ, ф. 1694, оп. 2, д. 1, л. 5).
- ⁸⁰ Царскосельские совещания. Протокол секретного совещания... по пересмотру Основных законов. С. 189 - 190, 234 - 236.
- ⁸¹ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 465. О том же свидетельствует Гурко. См.: Гурко В. И. Указ. соч. С. 527.
- ⁸² Воспоминания... И. И. Толстого. С. 220; ОР РНБ, ф. 781, д. 555, л. 2 (И. И. Толстой. Россия накануне Третьей Государственной думы).
- ⁸³ РГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 46, л. 4 об., 2 об.
- ⁸⁴ Совет министров Российской империи. С. 204, 309, 434.

- ⁸⁵ Воспоминания... И. И. Толстого. С. 23.
- ⁸⁶ Герасимов А. В. Указ. соч. С. 53.
- ⁸⁷ Гурко В. И. Указ. соч. С. 536. Об этом же см.: Воспоминания... И. И. Толстого. С. 222.
- ⁸⁸ Совет министров Российской империи. С. 448, 419, 208.
- ⁸⁹ Бюлов Б. Воспоминания. М.; Л., 1935. С. 312, 274.
- ⁹⁰ Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. N 3. С. 124.
- ⁹¹ Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 163; Извольский А. П. Указ. соч. С. 114, 65.
- ⁹² Гурко В. И. Указ. соч. С. 537, 553, 548.
- ⁹³ Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. N 3. С. 124.
- ⁹⁴ Государственная дума. Созыв 1-й. Сессия 1-я. Стенографические отчеты. Т. 1. СПб., 1906. С. 342 - 343.

стр. 40

⁹⁵ РГИА, ф. 954, оп. 1, д. 307, л. 1 - 1 об. Это ничуть не помешало ему, впрочем, месяц спустя писать о депутатах в проекте правительственной декларации: "...Не верьте этим хищникам, лживыми советами ведущим вас на погибель" (Там же, д. 309, л. 10 об.).

⁹⁶ Гурко В. И. Указ. соч. С. 537.

⁹⁷ Там же. С. 538.

⁹⁸ ГА РФ, ф. 543, оп. 1, д. 520, л. 19 об. (всеподданнейшая записка И. Л. Горемыкина 19 апреля 1906 г.).

⁹⁹ Там же. Л. 23, 22.

¹⁰⁰ Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 149; Гурко В. И. Указ. соч. С. 538. О том же см.: Извольский А. П. Указ. соч. С. 109, 114 - 115.

¹⁰¹ ГА РФ, ф. 543, оп. 1, д. 520, л. 25; Герасимов А. В. Указ. соч. С. 76.

¹⁰² Извольский А. П. Указ. соч. С. 109, 115; Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 157.

¹⁰³ Извольский А. П. Указ. соч. С. 108; Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 165.

¹⁰⁴ Гурко В. И. Указ. соч. С. 553.

¹⁰⁵ Там же. С. 554; Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 165, 163.

- ¹⁰⁶ Гурко В. И. Указ. соч. С. 553.
- ¹⁰⁷ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 505 - 506.
- ¹⁰⁸ РГИА, ф. 1626, оп. 1, д. 1146, л. 3 (письмо А. Ф. Редигера И. Л. Горемыкину 7 мая 1906 г.); Редигер А. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 50.
- ¹⁰⁹ Столыпин П. А. Переписка. С. 605.
- ¹¹⁰ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. С. 42.
- ¹¹¹ Крыжановский С. Е. Воспоминания. С. 94; Извольский А. П. Указ. соч. С. 140.
- ¹¹² РГИА, ф. 1662, оп. 1, д. 308, л. 1 - 1 об. Записка П. А. Столыпина по еврейскому вопросу цитируется по подлиннику, поскольку публикация содержит ряд неточностей (см.: Столыпин П. А. Переписка. С. 646 - 647).
- ¹¹³ Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 197. Формирование программы реформ сопровождалось, впрочем, резкими ведомственными столкновениями, грозившими дальнейшим обострением. См., напр.: Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 210 - 213; Васильчиков Б. А. Указ. соч. С. 206 - 211; Редигер А. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 188 - 189).
- ¹¹⁴ Половцов А. А. Указ. соч. С. 96 - 97; Гурко В. И. Указ. соч. С. 527.
- ¹¹⁵ См., напр.: Шацилло К. Ф. Предисловие // Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. С. 12.
- ¹¹⁶ Манифест 17 октября. С. 102.
- ¹¹⁷ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. С. 41; Правительственное сообщение // Правительственный вестник. 1906. 24 августа.
- ¹¹⁸ Воспоминания... И. И. Толстого. С. 159.
- ¹¹⁹ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 719, л. 147 - 147 об. (письмо С. Ю. Витте А. С. Суворину 19 декабря 1905 г.; выделено в подлиннике).
- ¹²⁰ Воспоминания... И. И. Толстого. С. 179. У Дурново можно найти, впрочем, и другие варианты "пространственной ориентации" относительно манифеста. Д. Н. Любимову он говорил: "Витте хочет держаться на узком гребне манифеста 17-го октября, ни направо, ни налево; а спасение - только направо; налево - сплошь социалистическое болото, в котором барахтаются и захлебнутся кадеты" (РГАЛИ, ф. 1447, оп. 1, д. 39, л. 464).
- ¹²¹ Шванебах П. Х. Записки сановника // Голос минувшего. 1918. N 1 - 3. С. 120, 123; Падение царского режима. Т. 5. С. 417 - 418.
- ¹²² РГИА, ф. 1622, оп. 1, д. 384, л. 1 - 1 об. (письмо И. И. Толстого С. Ю. Витте 12 февраля 1906 г.); Воспоминания... И. И. Толстого. С. 231.
- ¹²³ Интервью П. А. Столыпина // Новое время. 1906. 18 июля; Кони А. Ф. Моя Гефсиманская ночь // Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 2. М., 1966. С. 362.

- ¹²⁴ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. С. 61, 50.
- ¹²⁵ РГИА, ф. 1597, оп. 1, д. 145, л. 5; Толстой И. И. Дневник. 1906 - 1916. СПб., 1997. С. 112, 130; Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 180, 197; Особые журналы... Ч. III. С. 609 - 610.
- ¹²⁶ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 244; Воспоминания... И. И. Толстого. С. 152.
- ¹²⁷ ГА РФ, ф. 543, оп. 1, д. 520, л. 23 об.
- ¹²⁸ РГИА, ф. 1698, оп. 1, д. 68, л. 44 об. (письмо А. Ф. Редигера О. И. Холщевниковой 27 декабря 1906 г.).
- ¹²⁹ Толстой И. И. Дневник. С. 20.
- ¹³⁰ Крыжановский С. Е. Воспоминания. С. 117 - 118; Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. N 3. С. 126.
- ¹³¹ Гурко В. И. Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб., 1906. С. 56. Об этом же см. размышления Крыжановского: Падение царского режима. Т. 5. С. 390 - 391.
- ¹³² Особые журналы... Ч. III. С. 473 - 474.
- ¹³³ Толстой И. И. Дневник. С. 86.
- ¹³⁴ Крыжановский С. Е. Воспоминания. С. 115.
- ¹³⁵ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 462.
- ¹³⁶ Шванебах П. Х. Записки сановника. С. 132, 125, 120; Падение царского режима. Т. 5. С. 417 - 418.
- ¹³⁷ Падение царского режима. Т. 6. С. 102 - 103. Т. 5. С. 381, 419; Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 600. Признавал это и Витте: помимо диктатуры, он считал единственно возможным распустить II Думу, "выработать новый избирательный закон, заменив им существующий "нелепый" (это о законе, со-

ставленном под его руководством! - Г. К.), и на основании этого нового закона создать новую Думу" (Толстой И. И. Дневник. С. 86).

- ¹³⁸ Крыжановский С. Е. Воспоминания. С. 115.
- ¹³⁹ Шванебах П. Х. Записки сановника. С. 137, 133.
- ¹⁴⁰ Крыжановский С. Е. Воспоминания. С. 120 - 121.
- ¹⁴¹ Мосолов А. А. Указ. соч. С. 47.

- ¹⁴² Милюков П. Н. Мое свидание с ген. Треповым // Речь. 1909. 17 февраля.
- ¹⁴³ РГИА, ф. 919, оп. 2, д. 1220, л. 25 - 28.
- ¹⁴⁴ Там же, д. 1175, л. 2 (письмо И. И. Воронцова-Дашкова С. Ю. Витте 3 ноября 1905 г.).
- ¹⁴⁵ Там же, л. 8 - 9. В окончательный текст письма эта фраза не попала. См.: там же, л. 1 - 3 об.
- ¹⁴⁶ Толстой И. И. Дневник. С. 52.
- ¹⁴⁷ РГИА, ф. 954, оп. 1, д. 317, л. 1 об. (всеподданнейший доклад П. М. Кауфмана 1 декабря 1906 г.).
- ¹⁴⁸ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 243.
- ¹⁴⁹ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия 2. СПб., 1907. Стб. 541.
- ¹⁵⁰ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 254.
- ¹⁵¹ Васильчиков Б. А. Указ. соч. С. 193.
- ¹⁵² РГИА, ф. 954, оп. 1, д. 311, л. 2.
- ¹⁵³ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 210.
- ¹⁵⁴ Небезынтересные статистические выкладки об оценках западного опыта в правящих кругах см.: Кирьянов И. К. Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 66.
- ¹⁵⁵ Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 196.
- ¹⁵⁶ Шванебах П. Х. Записки сановника. С. 126. Об этом же эпизоде см.: Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 566; Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 223.
- ¹⁵⁷ РГАЛИ, ф. 1694, оп. 2, д. 1, л. 13; Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 240.
- ¹⁵⁸ Гурко В. И. Отрывочные мысли по аграрному вопросу. С. 38.
- ¹⁵⁹ Особые журналы... Ч. I. С. 147.
- ¹⁶⁰ Редигер А. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 284.
- ¹⁶¹ РГИА, ф. 954, оп. 1, д. 310, л. 3 об. (речь П. М. Кауфмана на секретном заседании Совета министров 1 июня 1906 ".); д. 317, л. 2 - 3 об.
- ¹⁶² Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 568; Шванебах П. Х. По поводу думского заседания 13 ноября // Киевлянин. 1907. 20 ноября.
- ¹⁶³ Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. N 2. С. 117 - 118.

¹⁶⁴ Манифест 17 октября. С. 101; Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. С. 42.

¹⁶⁵ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 531, 527; Васильчиков Б. А. Указ. соч. С. 217.

стр. 42

постоянный адрес статьи: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/9096506>